

Через заросли красно-бурых кустарников, тоненьких блестящих осинок-березок мы вошли в зимний лес. То была опушка, воротничок леса. Но здесь деревья степенные, высокоствольные. Остановитесь, прислушайтесь к своему дыханию. Воздух свежий, студеный. Чистым снегом пахнет. Хорошо!

Славный снег выпал, мягкий, пушистый. И целехонькие снежинки россыпями бриллиантов светятся, сверкают, искрятся; несмелый ветерок, шепотом гуляющий среди деревьев, их легче пуха подхватывает и бережно опускает. А бывают снежинки как крупка — они белыми рыхлыми градинками выпадают, как сахарная пудра, как мерцающие звездочки, как мохнатые перышки, такие художники на картинах любят изображать. Но эти — самые красивые, ажурные, лучистые — из детства: тогда, упав на ладошку, они казались огромными и сказочными, но, к великому огорчению, тихо истаивали и растворялись.

Солнечно, но оттепелей и сильных ветров не было, оттого не взялись снега корочкою наста. В сугробах снег тоже разным бывает: воздушным, шелковистым, бархатным, колючим, жестким, клеклым, волглым — не счесть, всевозможным. А какие разные случаются снегопады: глухие отвесные, косящие наклонные, карусельные, а еще — слепящие метели и хлесткие метелицы, разгульные вьюги, тоскливые завирухи, заверти, замети, поземки... Ух, попалал я в снежные передраги — как-нибудь расскажу, если не очень торопитесь.

Сегодня снег радостный. Праздник, а не снег.

Дробинки следов видите? Эту строчку мышончок оставил. Пробежал немного, припорошенные сухие былинки понюхал, развернулся, чиркнул тонким хвостиком пышный снежок, зашпешил дальше и нырнул в рыхлую норку. Сейчас он под снегом — в слежавшихся опавших листьях у него лабиринты проходов и уютное круглое гнездышко, выстланное мягкими сухими травинками и пушинками увядших цветов.

С одним таким мышонком я дружил.

Много лет назад пришлось мне работать на Севере учителем. Там настоящая тайга начинается сразу за поселком лесорубов. После школы, а иногда и до уроков, я ходил в таинственные чащи. Ступал по мягкому толстеному, годами нараставшему ковру осыпавшихся пихтовых иголок — идешь, затаив дыхание, потому что шагов своих не слышишь. Бродил дивным таежным ручьем, вода в нем чистая-чистая и гладкие камешки на дне словно колышутся, пытаются обогнать один другого.

А однажды я заблудился. Обычно, когда уходил подальше, старался придерживаться чуть приметной тропинки, набитой охотниками к дальним озерам и зимовью. Но тут увлекся табунком рябчиков, все время отлетавших от меня, стал за ними продираться сквозь цепкие кусты, обходить завалы рухнувших деревьев, вывернутых корней — и заплутал.

Был конец октября. Небо мерклое. Меленькие снежинки мельтешат. Знобко мне стало. Решил в поселок возвращаться. Пытаюсь на тропку выйти, да найти не могу. Стараюсь

одного направления держаться, пробиваясь сквозь дебри, а вновь свои же рыхловатые следки на снежной порошнице вижу — оказалось, что круги наворачиваю. Всполошился. Неужто в тайге ночевать придется? С собою даже спичек не взял, обул в ледяные сапоги, ноги стынут. Назавтра у меня — день рождения, двадцать пятое число. Вот попал... А может, попытаться выйти по своим следам, рассуждаю, пока их еще не совсем присыпало. Разворачиваюсь и по едва различимым отпечаткам резиновых сапог начинаю распутывать собственные блукания. Долго ли, коротко, а вышел-таки на знакомую тропиночку.

И едва успел, потому как запорхали большие лохматые снежинки и натоптанное мною скрылось, исчезло в белом саване. От сумятицы и беготни распалился, вымотался. Сел, привалился спиной к лиственнице, ладони в рыхлый снежок опустил, а там кустики брусники, а на них твердые шарики. Коченелыми пальцами веточки прочесываю и мерзлые ягодки с чистым снегом в рот отправляю. И так мне хорошо стало! С кем бы радостью поделиться?

Тут-то он и появился. Лесной мышонок. Темный на снегу, кругленький. Нашупал я в кармане батончик с изюмом, в школе купленный, отламываю кусочек, протягиваю зверушке. Подумав, тот подбегает, осторожно нюхает, доверчиво берет угощение в маленькие лапки и быстренько уносит под ворох опавших листьев. Покрутившись, пошуршав в своей крохотной берложке, возвращается. Немного погоды от моего батончика ничего не осталось. Из смурого ненастного неба лохматый снег полетел охапками. Я попрощался с маленьким приятелем и поспешил домой. Снегопад усиливался, густел, а когда я подходил к поселку, стал таким плотным, что вытянутой руки невозможно увидеть.

Ночью я сочинял письмо девушке Люсе о первом снеге и забавном мышонке. Любимая связала и подарила мне красивый шерстяной пуловер солнечного цвета, он меня грел, в печке потрескивали, шипели и пищали сырые поленья, пахло смолой, а снег за мокрым окном все падал и падал.

Но утро было восхитительно погожее, лучезарное. С хорошим настроением отведя уроки, купил два батончика с изюмом и заторопился в заснеженные кущи.

Рыхлый снег был по колено, но я бороздил его не хуже вездехода. Смог найти вчерашнюю лиственницу. Под нею на первоснежье увидел бисерные тропочки моего дружка. Через малое время он и сам объявился, узнал меня, подбежал и привстал на задние лапки. Один батончик я покрошил ему, другой съел сам. Так и отметили мой двадцать второй день рождения. Мышонок был внимательным и отзывчивым собеседником.

Еще с неделю приходил к маленькому другу, приносил лакомство. Конечно, я считал себя серьезным взрослым человеком, в тайгу ходил вовсе не для этих встреч. В руках у меня были то ружье (мечтал добыть царственного глухаря), то спиннинг с удочкой — на благородного тайменя. Но в трофеях случались только рябчики да хариусы. Потом повалили беспросветные дремучие снега. А когда погода наладилась, раза три пытался найти ту лиственницу — и не отыскал. Огорчался, успокаивал себя, что в норке под пухлой снежной периной крохотному мышонку должно быть тепло, а запаса моих гостинцев хватит надолго.

Давно была та история. Девушка Люся стала моей женой — получив в подарок вязанный ею пуловер, посчитал, что просто обязан жениться. Я уже не пишу простодушных писем. Некому. Но иногда сочиняю наивные рассказы. Будто бы с кем-то беседую. Как с тем чутким мышонком в тихой тайге на снегу под высокой лиственницей, сбросившей до весны свою хвою.

Ну вот, опять вы куда-то спешите. Понимаю. Не до беспечных прогулок. Дела. Да и эка невидаль — лесные мышки. А они, между прочим, в отличие от полевков и серых домашних, замечательны незаурядной сообразительностью и бесподобным проворством, даже по деревьям умеют лазать.